

Уважаемые члены общества и сотрудники
Международной общественной организации
"Взаимопомощание"

Уважаемая Наталья Кириллова и её коллеги.

Я Вам обращаюсь Надежда Семёновна Ретинская, в девичестве Бембелев. Я родная сестра Татьяны Семёновны Тришук (в дев. Бембелев) и Марины Семёновны Тришук (в дев. Бембелев). Они обе проживают в городе Верхнедвинске, респ. Беларусь. Они и сообщили мне Ваш адресные координаты, что в Германии и Мемеле. Я же - Ретинская Н.С. (в дев. Бембелев) - с 1941 года проживаю в г. Ленинграде - Санкт-Петербурге.

Точна Ваше письмо-обращение, прочитанное сестрами и отправленное ими для меня, и глубоко тронуто подробным описанием взаимоотношений к маме, детям войны. В России цитируется Ольга Берггольц: "Никто не забудет, и ничто не забыто". Но и детям войны у нас, кроме мозунга, дела нет.

Вы обращаетесь в письме с просьбой поделиться тем, что мы знаем, помним о войне, что пережили. "Мы будем рады письмом от вас, очень рады каждой строчке" (цитата из вашего письма).

О том, что помню

22 июня 1941 года - начало войны. Мне в этот день исполнилось ровно 4 года 8 месяцев. Некоторое события, эпизоды войны, коснувшись моей деревни и нас, вспоминались в моей детской памяти, сердце, душе. Буквально через неделю немецкая конная часть проследовала через нашу деревню Самушино Курьяна восток. Территория это Дриссенский р-н Витебской обл., Беларусь. От районного городка Дрисса деревня отстоит в 18 км. Недалеко граница с Латвией. Военная деятельность нашей конной части не причём. Но взрослых предупредили: если мой, пойдём мозгад, то всем будет медоб-рывать.

Отчётливо помню, что после их ухода мы,

деревянная дейвора, собираем размоцвѣтше фразѣми-
помрѣтше оберѣми - и бѣши очемь рады зѣлому.

Мы, все три сестры: Татьяна Семёновна (1927г. рож.)

Мария Семёновна (1929г. -)

и я - Надежда Семёновна (1936г. рож.)

находимся в оккупации до июня 1944 года, т.е.
до освобождения нашего нового места жительства в
дер. Чайтѣрове; в партизанской зоне непосред-
ственно - до сожжения нашей деревни и близле-
жащих. По времени - это скорее всего конец марта -
начало апреля 1943 года.

В нашей деревне немецкого постоа не было. Они
квартировались в деревнях Толвино, Соколовщина,
что были ближе к железной дороге. Последняя
ожидание. План немецкому постоа было безо-
паснее. К нам в деревню они навѣщались в светлое
время суток.

Все страшное и трагическое началось с 1943 года.
Выражения "каратели", карательная эскадрилья -
наводили ужас на проживающее население деревни
в нашей краѣ. С ними связывали погромы, грабежи,
убиства, всег тѣхностей, сожжение деревень,
вместе с морями, убийства... Не щадили ни взрос-
лых, ни стариков, ни детей. В памяти остаются
несколько этих страшных событий. Прошел
слух: "Каратели!" Все, кто мог двинуться - руки в
мочи - и бѣгом из деревни, подальше, что бы где-то
спрятаться.

Случилось так, что мы с мамой не успели
убежать. Вокны в жѣлѣ чужой человек. Как сейчас
помню: выше среднего роста, в темной длинной
одежде, маленькая шапка не что иное, не что
маленькая, и потребовал "млеко, яицо, мѣло".
Получив небольшую порцию масла, что бѣло, тут
же отправился в жѣлѣ и забрал корову. Мамин
пошел кормить себя: зачем отдаю ему эту крошку
масла, ведь все равно кормилецу увѣй?

Все эти действия были предвестием надвигающей-
ся большой бѣды.

Запомнися еще один наш побег с мамой.
Наханы всемо было ошутимы: сметая на солнце,
кое-где уже ручьи бѣжали. Жить смога еще было
достаточно до и морозы по ночам. Опять слух:
"Каратели!" Уходим - бѣжим из дома, ищем
укрытие. И вдруг на дороге большой, глубокий

разлив всемогней воды и обойти его негде. Мама тут же сбрасывает все вещи, ия - в руки, меня - на плечи и бежит по ледяной воде вперед. Преодолев эту муть, едет морские течи в всемогней, и бедные дальше в почвах какого-либо укрытия.

Все чаще приходится скрываться. Не один раз папа еще затемно запрягал лошадей в сани, и мы едем к реке Сволмо в кусты, подальше от деревни, от домов, чтобы укрыться под крутой бережком или даже подо льдинами (от больших морозов река вымерзала, и льдины топорщились). Одни тогда за нами маленькими косяк, чтобы растопить снег и попить горяченького. Не успеши, не поимши, не согреешь. Такая суета пошла по вьюжающей над кустами дымку, что идти те окомеш снегом забросали.

В разговорях взрослых все чаще чувствуется большая тревога. Соплевы деревни Ботки, Мартиново, Бики и др., горели с медвими.

Перед тем, как стечь маму деревню, деревню май маро выеете с оеями вывозим в Латвию. Грузим в товарные вагоны на станции Боровка, что близ Дриссы. В латвийском лагере разведи- нями детей с родителями. Тосковали угонели на работу в Германию. Так, родной дядя Тома Тав- лович Белбев с женой оказались в лагере (кажется, в Полевне). Бабуи определены на работу в прачечной. Там и остались - не выжили. Малень- ная 2-х годовая девочка скоро умерла в латвийском лагере. Кого-то из более взрослых детей взяли в латвийские семьи; одних - из темноты, других - в помощники по хозяйству... Всего детей было пятеро.

Та жеки те образом баба вывезена в Латвию разделена с детьми (их четверо), отправлена на ра- боту в Германию Кемия Антоновна Гришкевич. Это она выжила, вернулась на родное иепеище после освобождения Советской Армией. А выжи- ла только потому (как она рассказывала), что иногда убирали поля, засеянные евиной, мер- щика свёклыику потрём-потрём в лагерную ро- бу и в рой; всё-таки маме-то вейамыиив. Все дети стали свидетелями после освобождения Латвии и Германи Советской Армией.

Но темя (1936 г. рож.) мамин мамин и братьев только в 1956 году мы с родителями не были узнали в Литвино-Германино, вовремя успели оставить деревню и, поймав, спрятались под берегом р. Сволыно и подождём выскочит от мороза этой небольшой речушкой.

Деревня поймаю омыл, чуть ли не все население боя хватил заревом. В смертных сетях перебираться в Толубово, до которого ещё каратели не обратились. В здании бывшего сельского совета стали стекаться оставшиеся в живых люди, займали печку, в большой чулковой котле сварили какую-то похлёбку, отогрелись и после дневных мятарств и холеров уехали на полу. А мажуро все искал свои пути самосохранения. Мы перебрались к родственникам, проживающим вдоль дорожной магистраль-бульварка — по которой осуществлялось очень интенсивное движение немецких войск с запада на восток в направлении на Толук — Витебск — Смоленск, а в 1944-м году — и обратно, т.е. с востока на запад.

В дальнейшей памяти сохранилось ряд названий близлежащих от нашего Самуиловского деревень: Дубровка, Вирславки, Лицвяки, Мамоновщина, Толубово, Толыковщина, Кохановичи, Бородушино, Толыно, Бондари, Точталёво и др. Все они соотечественники. В некоторых из них я вместе с родителями была. В дер. Лицвяки меня родной дядя (по матери) Александр Андриевич Тяжёлков. У него были парамизованы ноги, левая рука умер мученической смертью — затевооттём.

Старшая сестра Татьяна как-то рассказывала про дер. Точталёво, где мамин родная бабушка Аниса Самурица с дочерью Кемией (мамин тётка) и её зная детскими. Деревня с морщи была растёрзана. Но одной женщиной с мужем удалось каким-то образом уберечься. Когда они возвратились на теплице, страшное зрелище потрясло их: труны, труны, труны — большие, маленькие, кровавые, обгоревшие... Жёны как они стали стаскивать эти труны, чтобы хоть немножко прихоронить. Женщина ещё выдерживала, а мужчина всё время имел (терял сознание).

Отметился в памяти ещё один страшный день. Зима ещё стояла в силе, морозно, снега много, белым-бело, он искрится на солнышке, день ясный. В деревне появились отряды немцев и вместе с ними, как тётка, из Толыно (там их постои). С какой целью они наводывались, не знаю. Разбой в деревне не учиняли.

Но войны мы мало вспоминаем. Со всеми вех деревенцев, кто мог жорить, и приказали идти с нами. Пошли, что у меня рука была пожимать то тряпками уютана и похота на бумагу: на руке в районе кисти была боль мой орудийной. Все мы молча, обвяты думой: ка-кая участь тебе ждёт из нас? Ведь отнюдь не нашего края и людей — это уже было страшной реальностью.

В колонне шла девушка Тамара Машара. Она закончила Томасов, в школе изучала немецкий язык. Будь, кто буди, — и пришла вперёд к головному из отряда. Заговорила с нами, как могла, на немецком языке. Итог этих переговоров был благополучным. У нас отпустили. Оказываемся, мы, все деревенцы, выкопанные полв заградбата. Нам, партизаны, в своих stories отрядами не буди. Немецкий отряд прошёл с нами — заградбата — опасной участю доброты, и уже мадобности в нас не было. Мы все остаемся живы, испытав страх и тяжёлые думы, и вернулись в свои семьи. С высоты возраста считаю, что это было по времени или конце января или февраля 1942 года. Воем ещё не знали.

Война показала судьбу и отдала жизни очень многих людей. Я только некоторых своих родственников назову. Два родных брата — Пётр (1923г. рож.) и Аркадий (1925г. рож.) — погибли в партизанских боях.

У моего отца Семёна Павловича Башбеля (1895г. рож.) было пятеро братьев: Роман, Игнат, Николай, Иван, Виктор (вместе в отце их б.) и сестра Ксения. Из 7-ми названных человек в живых остаемся только мой отец и дядя Ваня. Все остальные мертвые, кто сомнен, кто умер в концлагере, кто убит, кто пропал без вести... Вечная память им!

Мой отец Башбел С.П. в 1941-м году военному призыву не подлежал по годам. В 1944 году после освобождения нашего нового местопребывания в дер. Шайтерво его призвали в трудовую армию на Уральские заводы ковать поторы. Обидудя он вернулся в семью только зимой 1946 года. Дядя Ваня на службу взят своей потерей на работе ещё до войны, дробь скан на колвеконном полуострове.

В заключение моего письма хочу выразить надежду, что описанные мной детские впечатления помогут вам лучше представить все то, что пережила народ Беларуси в эти годы. И дай бог, чтобы подобного никогда больше не было. →